

Л. Н. МАЗУР

«ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.: В ПОИСКАХ НОВЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Автор рассматривает информационные аспекты идей А.С. Лаппо-Данилевского и современные тенденции в развитии методов исторического исследования. Особое внимание уделено методам визуализации исторической информации, в частности методу наблюдения, его технологиям и принципам реализации.

***Ключевые слова:** методы исторического исследования, информационные технологии, аудиовизуальные источники, метод наблюдения в историческом исследовании.*

Среди основных факторов развития исторической науки в методологическом и методическом плане можно выделить несколько наиболее важных – это, прежде всего, расширение и реструктуризация проблемно-тематического поля истории и включение в научный оборот новых комплексов исторических источников (массовых, иконографических, аудиовизуальных и проч.), которые требуют применения новых приемов и методов исследования. Немаловажную роль играет углубление интеграции наук, результатом чего стало расширение зоны междисциплинарности, разрушающей устоявшиеся теоретические и методические границы собственно исторической науки.

Но все эти факторы все же вторичны, первичной будет информационно-коммуникационная среда общества. История, будучи важной составной частью интеллектуальной жизни общества, всегда опиралась на те информационные технологии, которые поддерживали культурные коммуникации. Они определяли набор используемых историками методов работы с исторической информацией и способы ее презентации. На разных этапах развития общества формируется свой, оригинальный комплекс методических приемов, который оформляется как традиция историописания. Ее смена непосредственно связана с информационными революциями, хотя изменения происходят не сразу, а постепенно, с

---

¹ Статья поддержана грантом РГНФ № 14-01-00352 «Визуальные репрезентации российской деревни в художественном кинематографе 1920–1980-х гг.: историко-культурное исследование».

некоторым отставанием, в течение которого происходит превращение новых информационных технологий в общедоступные. Так было с внедрением письменных технологий в культурную жизнь общества, которое растянулось на тысячелетия. Только в XX в. с решением задач всеобщей грамотности населения можно говорить о завершении первой информационной революции, порожденной изобретением письменности и книгопечатанием. Так происходит и с внедрением компьютерных технологий, постепенно меняющих лабораторию историка и его информационно-коммуникативную среду.

Связь между господствующими информационными технологиями и методами исторического исследования очень точно подметил А.С. Лаппо-Данилевский, отразив ее в периодизации развития методологии исторического познания. В частности, он выделил²:

– *классический период* (Античность, Средние века), когда исторические сочинения рассматривались, прежде всего, как «*искусство* писать историю»³, в тесной связи с правилами художественно-литературного изображения истории, опиравшегося на принципы правдивости, беспристрастности, полезности. С учетом используемых технологий, этот этап вполне можно назвать *устно-историческим*, поскольку устные свидетельства выступали информационной основой исторического сочинения, устным был и способ презентации исторических текстов, а в качестве базового принципа историописания было определено следование приемам ораторского искусства;

– *гуманистический период* (Возрождение, XIV–XVI вв.) выделен Лаппо-Данилевским в качестве самостоятельного этапа, хотя он несет в себе переходные черты. В это время закладывалась основа для отделения истории от литературы и перехода к новой стадии историописания, опирающейся преимущественно на изучение письменных источников. Это нашло отражение в формулировках основных принципов исторического исследования, где на смену представлениям о правдивости приходит критерий достоверности, а «беспристрастность» заменяется понятием «объективность», т.е. уходят антропологические смыслы исторической критики, а на первый план выходят информационные, источниковедческие.

В исторических трудах этого времени все чаще поднимаются вопросы оценки достоверности источников, точности приведенных фактов,

---

² У Лаппо-Данилевского названия периодов не были предложены, дано только общее их описание. Приведенные обозначения периодов сформулированы мной.

³ *Лаппо-Данилевский*. 2006. С. 23.

обсуждаются приемы, как избежать ошибок, т.е. происходит поворот от авторского описания к применению научных принципов исследования, обеспечивающих объективность и сопоставимость результатов. Но окончательного разрыва с литературной традицией в этот период еще не происходит. Он приходится на более позднее время и связан с утверждением рационализма как базового принципа научной деятельности;

– *рационалистический период* (Новое время, XVII–XIX вв.), основной чертой которого стало утверждение в историческом исследовании научных принципов, опирающихся на критику источников, верификацию используемых фактов и результатов их аналитико-синтетической обработки. Основным фактором преобразования истории, по мнению Лаппо-Данилевского, выступила философия. С учетом ее развития он выделил два этапа: первый – XVII–XVIII вв., когда история испытала на себе воздействие идей немецкого идеализма (труды Г. Лейбница, И. Канта и Г. Гегеля); второй – XIX – начало XX в. – время оформления собственно теории познания (труды О. Конта и Дж. Милля, В. Виндельбанда и Г. Риккерта). В результате происходит кардинальное изменение представлений о месте и роли истории, ее задачах и методах.

Помимо влияния собственно научного (философского) фактора, отмеченного Лаппо-Данилевским, на развитие исторической науки оказали влияние те инновации в информационных технологиях, которые затронули общество – это появление книгопечатания, периодической печати, в том числе и журнальной, развитие системы образования и прочих элементов культуры модерна – кинематографа, фотографии, телевидения, радио, превративших историю в факт общественного / массового сознания. В это время складывается и та постклассическая модель исторической науки, которая сохранилась до настоящего времени. Она опирается на исследовательские практики, включающие изучение преимущественно письменных источников и, соответственно, методы их анализа (приемы источниковедческого анализа, текстологии, палеографии, эпиграфики и иных вспомогательных дисциплин), а также текстовую репрезентацию результатов исследования.

Инструментарий историков, сложившийся в рамках рационалистической модели, получил рефлексивное отражение в труде А.С. Лаппо-Данилевского. Значимость его работы состоит не столько в систематизации основных подходов, принципов и методов исторического исследования, сколько в попытке обосновать их важность и необходимость для исследовательской практики. Это был еще один шаг на пути

институционализации методологии и методов в качестве самостоятельной научной дисциплины.

Показательно, что в своих суждениях о роли методологии понятие «метод» Лаппо-Данилевский рассматривает как родовое по отношению к методологии, отмечая, что «Учение о методах исторического исследования... обнимает *«методологию источниковедения»* и *«методологию исторического построения»*. Методология источниковедения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, пользуясь известными ему *источниками*, считает себя вправе утверждать, что интересующий его факт действительно существовал (или существует); методология исторического построения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, объясняя, каким образом произошло то, что действительно существовало (или существует), строит историческую действительность»⁴.

Таким образом, Лаппо-Данилевский зафиксировал структуру методов исторического исследования, реализуемых в парадигме позитивизма и основанных на общих логических законах. Он предложил и методически обосновал развернутую схему анализа исторического источника, ставшую классической для последующих поколений историков. С другой стороны, Лаппо-Данилевский сформулировал проблему метода «исторического построения», без которого невозможно объяснение и конструирование, синтез исторической реальности. Вслед за Виндельбандом и Риккертом он выделил два основных подхода к «историческому построению»: номотетический и идиографический, которые позволяют по-разному реконструировать прошлое: с обобщающей и индивидуализирующей точки зрения. Любопытно, что разводя эти подходы, и будучи внутренне приверженцем идиографических построений, Лаппо-Данилевский характеризует сходный инструментарий, используемый исследователем в том и в другом случае, но с разной целью – это приемы причинно-следственного анализа, индуктивного и дедуктивного обобщения, направленного на конструирования целого (системы), типологии и сравнения. Раскрывая методологические и методические особенности обобщающего и индивидуализирующего подходов в историческом исследовании, Лаппо-Данилевский отметил, что историческое построение должно опираться на *законы психологии, эволюции и/или диалектики и консенсуса*, позволяющие объяснить исторические процессы и явления.

---

⁴ Лаппо-Данилевский. 2006. С. 19.

В целом оформление методологии исторического построения свидетельствует о переходе от описательной к объяснительной модели исторического познания, которая существенно усиливает свои позиции в XX веке. Сформулированная А.С. Лаппо-Данилевским концепция исторического исследования позволяет говорить о завершенности методического обеспечения рационалистической модели исторического познания, ориентированной на использование письменных технологий.

В XX веке инструментарий историков существенно обогатился методами смежных социальных наук. Благодаря появлению количественной истории в обиход вошли процедуры статистического анализа. Социология и антропология способствовали укоренению в исторических исследованиях контент-анализа, дискурсивного, семиотического, лингвистического анализа, то есть приемов, обогащающих и расширяющих характеристику письменных источников, доводя до совершенства не только процедуры критики, но и интерпретации текстов.

Любопытно, что эмпирическая база исторических исследований за последние сто лет менялась в целом мало (в практике работы историка продолжают преобладать письменные источники), но способы их обработки постоянно совершенствовались, обеспечивая получение не только явной, но и скрытой информации. Недаром изменение технологий исторического исследования в XX в. нередко обозначают как переход от источника к информации⁵. Новое отношение к историческому исследованию проявилось и в том, что сегодня историк все чаще выступает не только как читатель и интерпретатор сохранившихся исторических источников, но и как их создатель. Применение «неисторических» методов устного опроса, анкетирования, наблюдения, эксперимента, моделирования находит многочисленных сторонников среди историков, способствуя появлению новых исторических дисциплин со своим инструментарием, отличным от классической и постклассической / рационалистической методологической модели.

Не останавливаясь подробно на всех новшествах, которые появились в исторической науке на протяжении прошедшего столетия и которые можно рассматривать в качестве определенных вех ее развития, хотелось бы выделить появление принципиально новых технологий, в значительной степени меняющих облик исторической науки. Речь идет о так называемом *визуальном повороте*, связанном с появлением новых представлений о визуальности, ее роли в современном обществе. По

---

⁵ См., подробнее: Ковальченко. 1987.

мнению социологов, рождается не просто новая модель культуры, создается новый мир, который перестает восприниматься как текст, он становится Образом⁶. В результате реальность, в том числе историческая, переосмысливается в контексте истории образов.

Визуальный поворот оказывает существенное влияние на изменение технологий исторического познания. Характерно, что они носят системный характер, т.е. охватывают все уровни и элементы исторического познания (методологию и методы, проблемно-тематическое поле, язык науки, включая ее понятийный аппарат, источниковую базу, способы репрезентации результатов исследования). Остановимся подробнее на таких проявлениях визуального поворота как понятийный аппарат и источники.

Язык науки – это один из наиболее чувствительных инструментов познания, в котором новые веяния проявляются в первую очередь. О визуальном повороте исторической науки опосредованно свидетельствует все более широкое использование в словаре историка понятий «образ», «облик», «картина», «ландшафт» и др., применяемых в самых разных историко-тематических исследованиях: от традиционно историографических работ до трудов, ориентированных на изучение сюжетов социальной, политической, интеллектуальной истории, истории повседневности и др.⁷ Вместе с тем, применяемое историками понятие образа пока остается слабо структурированным и в значительной степени неопределенным, поскольку строится не на логических принципах моделирования, а на «восприятии» (фактически визуализации), т.е. способе познания, имеющем ярко выраженный субъективный характер с опорой на чувственный опыт.

В науке существует множество дефиниций категории «образ». В толковом словаре мы находим определение, характеризующее образ как живое, *наглядное представление* о ком-чем-либо⁸. В философии он понимается как результат и *идеальная форма отражения* предметов и явлений материального мира в сознании человека; в искусствоведении – как *обобщенное художественное отражение* действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления⁹. В литературо-

---

⁶ См., подробнее: Mitchell. 1995; Усманова.

⁷ См., например: Репина. 2010; Оболенская. 1991; Российская ментальность. 1999; Корзун. 2000; Родигина. 2006; Сенявский, Сенявская. 2006; Сенявская. 2006; Кныш. 2009; Голубев, Поршнева. 2011 и др.

⁸ Образ // Ожегов.

⁹ Роднянская.

ведении «художественный образ» определяется через категорию *модель мира*, всегда в чем-то не совпадающую с привычной, но всегда узнаваемой. С позиций семиотики «образ» рассматривается как *знак*, получивший дополнительное значение в существующей системе знаков¹⁰.

В большинстве определений подчеркивается, что «образ» представляет собой инструмент художественного творчества, искусства, и в этом смысле он противопоставляется строгому научному понятийному знанию, что способствует конфликтности восприятия в научной среде проблемы образа в качестве объекта исследования.

В трудах историков чаще всего образ определяется как продукт общественного сознания, отражающий индивидуальные и групповые эмоционально окрашенные представления о различных географических, социокультурных, исторических феноменах¹¹. «Образ» рассматривается и как отражение результатов чувственного восприятия чего-либо с опорой на исторические источники и как результат обобщения эмпирического материала, достигнутый через использование логических (типология, моделирование, структурирование) и эстетических приемов анализа.

Все эти подходы к изучению исторического «образа» чего-либо (семьи, врага, союзника, детства, исторической науки...) представляют собой попытку по-новому взглянуть на явления прошлого: с позиций визуального восприятия, а не логики. В этом смысле методику реконструкции и интерпретации образа можно рассматривать как способ отойти от рациональных приемов обобщения исторической информации и обращения к так называемым «качественным» методам познания, основанным на законах чувственного восприятия.

Последствия визуального поворота в науке нашли отражение в появлении такого самостоятельного направления как «визуальная антропология», которая, по мнению В.М. Магидова, превращается в одну из фундаментальных научных отраслей, объединяя культурологов, социологов, историков, философов и задавая определенный тренд в способах познания культуры и общества¹². Первоначально под визуальной антропологией понималось этнографическое документирование средствами фото- и кино съемки¹³. Но в дальнейшем она начинает восприниматься в более

---

¹⁰ Николаев. 2011. С. 34–38.

¹¹ Голубев, Поршнев. 2011. С. 6.

¹² Магидов.

¹³ На этих позициях находится Центр визуальной антропологии при МГУ, созданный еще в 1987 г. (руководитель – Е. В. Александров). См., подробнее: Центр визуальной антропологии [сайт] URL: http://visant.ethnos.ru/sem_conf/sem_conf.php.

широком философском смысле как одно из проявлений постмодернизма, позволяющее по-новому взглянуть на методические и источниковедческие проблемы изучения социальной истории, а также ее репрезентации¹⁴. Свой подход к пониманию места и задач визуальной антропологии характерен для культурологии. В частности, К.Э. Разлогов рассматривает данное направление как составную часть культурной антропологии¹⁵. К визуальной антропологии относят также изучение разнообразных изобразительных источников информации, среди которых важное место занимают кинодокументы. Развитие этого нового направления связано с решением целого ряда методологических проблем, в том числе разработкой понятийного аппарата, обоснованием критериев анализа информации, полученной в ходе визуально-антропологических исследований¹⁶.

В исторической науке визуальный поворот совершается медленнее, чем в социологии или культурологии, и имеет свои особенности, поскольку визуальные источники традиционно рассматривались в контексте исключительно историко-культурной проблематики. В последние годы, однако, произошли заметные изменения, связанные с ростом доступности кино-, фотодокументов для сообщества историков и повышением интереса к ним¹⁷. Это заставляет задуматься над используемым исследовательским инструментарием и его методологическим обоснованием.

Отличительной чертой визуальных технологий выступает использование «неисторических» приемов сбора и фиксирования информации – методов наблюдения. Они получили методологическое обоснование и развитие в социологии, нашли применение в этнографии, культурологии, искусствоведении, музееведении, но применительно к историческому исследованию нуждаются в дополнительной адаптации и корректировке с учетом специфики объекта исследования.

Следует отметить, что технологии наблюдения не являются чем-то принципиально чуждым для исторической науки. Возможно, здесь слышатся отголоски летописного прошлого истории, когда роль очевидца была вполне типичной для составителя хроник. О применении метода

---

¹⁴ Центр визуальной антропологии и эгоистории Российского государственного гуманитарного университета (директор – Н. И. Басовская) [сайт]. URL: <http://visantrop.rsuh.ru/section.html?id=4652>.

¹⁵ См., подробнее: *Разлогов*. 2010.

¹⁶ *Барт*. 2004; *MacDougall*. 1998; *Руби*. 2007 и др.

¹⁷ См., например: *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме*. 2009; *Визуальная антропология: настройка оптики*. 2009; *Очевидная история*. 2008; *История страны*. 2004. *Нарский*. 2008 и др.

наблюдения рассуждает в своем труде Лаппо-Данилевский, хотя его основные тезисы ориентированы на задачу обособления методов истории от исследовательских практик других наук. В этом смысле он позиционирует наблюдение как метод естественнонаучных разработок. Вместе с тем Лаппо-Данилевский не отрицает, что «незначительная часть действительности, протекающей пред историком, непосредственно доступна личному его чувственному восприятию», одновременно подчеркивая проблематичность таких наблюдений¹⁸. Главную сложность в организации наблюдения он видит в необходимости выработки научных критериев оценки исторической значимости событий, а также того, что именно нужно отслеживать и фиксировать, т.е. в отсутствии устоявшихся и проверенных временем научных приемов проведения наблюдения. В качестве обычной практики историка Лаппо-Данилевский определяет изучение остатков (источников) и «чужих наблюдений, воспоминаний и оценок, доступных его собственному чувственному восприятию»¹⁹.

Подобная оценка возможности применения методов наблюдения в полной мере соответствует информационным технологиям, которые определяли ситуацию в начале XX века: корпус визуальных источников еще не сформировался и не мог повлиять на реструктуризацию методов исторического исследования, а прямое наблюдение – это был удел социологов, политологов и прочих представителей общественных наук, изучающих современность.

В сходном ключе наблюдение трактуется в работах М. Блока: возможность «прямого» наблюдения *argiōi* исключается, но опосредованное наблюдение с опорой на свидетельства источников (вещественных, этнографических, письменных) рассматривается как вполне обычное явление. Указывая на возможность визуального изучения истории, Блок отмечает, что «следы прошлого... доступны прямому восприятию. Это почти все огромное количество неписьменных свидетельств и даже большое число письменных»²⁰. Но снова возникает проблема метода, так как для формирования навыков оперирования разными источниками необходимо овладеть совокупностью технических приемов, применяемых в разных науках. Междисциплинарность – это один из важнейших принципов М. Блока, без которого, по его мнению, невозможно дальнейшее развитие истории как науки.

---

¹⁸ Лаппо-Данилевский. 2006. С. 277.

¹⁹ Там же.

²⁰ Блок. 1986. С. 33.

Вероятно, следует смириться с тем, что «прямое» наблюдение останется для историка недоступным, поскольку участие в каком-то историческом событии и его наблюдение – это не одно и то же. Наблюдение как метод отличается своей целенаправленностью, организованностью, а также обязательностью регистрации информации непосредственно в ходе наблюдения. Соблюдение всех этих условий, и прежде всего позиции нейтрального наблюдателя, невозможно для очевидца, который участвуя в событиях, не может регулировать сам процесс его прослеживания и комплексной оценки. Для этого нужно планировать наблюдение и готовиться к нему, вводить контрольные элементы.

Применение метода наблюдения в контексте визуально-антропологических практик, напротив, становится все более актуальным, и это связано с включением визуальных источников (кинодокументов, теле-, видеозаписей, фотодокументов) в исторические исследования. Но если к фотографиям применимы обычные приемы анализа иконографических документов (они статичны), то кино- и видеофильмы воспроизводят движение, жизнь, зафиксированную объективом камеры и предполагают применение технологий прослеживания, фиксации и интерпретации визуально воспринимаемой меняющейся информации, т.е. наблюдение.

Следует учитывать и то, что кинофильмы – это в большинстве своем спровоцированные, а иногда и полностью постановочные документы, представляющие собой результат коллективного творчества. Наряду с ними сегодня активно формируется массив видеодокументов, которые снимаются частными лицами и представляют собой способ фиксации текущей реальности в естественных формах ее развития. Этот массив может представлять историческую ценность, как и любой источник личного происхождения, но он пока не описан и не доступен историкам, хотя ситуация, благодаря интернету, может кардинально измениться.

Методы изучения любых визуальных документов (профессиональных или личных) основаны на некоторых базовых принципах и приемах. Мы рассмотрим их применительно к исследованию такого варианта визуальных источников как художественные фильмы, которые благодаря развитию сетевых технологий сегодня стали доступны для широкого круга историков. При работе с ними важен комплексный подход, включающий полноценный источниковедческий анализ, дополненный характеристикой особенностей технологии съемки фильмов, их монтажа, построения кадра и прочих тонкостей кинопроизводства, без чего невозможно понять природу рассматриваемого источника. Помимо этого возникает необходимость применения методов фиксации и интер-

претации визуально воспринимаемой динамичной информации, основанных на понимании природы «образа» – основного информационного элемента кинодокумента. Интерпретация образа осложняется задачей вычленения и верификации той исторической информации, которая содержится в источнике и позволяет реконструировать прошлое в его субъективной или объективной форме.

При работе с визуальными источниками понятие образа является ключевым, поскольку и на входе, и на выходе исследовательского процесса оно определяет всю методiku работы историка. Необходимо не только декодировать тот образ (образы), который был положен в основу кинодокумента, но и проинтерпретировать его, имея более ограниченный арсенал приемов исторической реконструкции, чем авторы фильма, и соблюдая при этом правила научной репрезентации.

Если источниковедческий анализ предполагает изучение метаданных документа, его структуры и свойств, в том числе технологических, поскольку все визуальные источники связаны с применением определенных технологий, накладывающих свой отпечаток, то интерпретация содержания кинодокументов строится на анализе образов, их типичности, с учетом как явной, так и скрытой информации.

Изучение содержания визуальных источников требует применения метода наблюдения в его классической форме – целенаправленного, организованного прослеживания важных для наблюдателя-исследователя информационных элементов, часто выступающих фоном, отдельным эпизодом или второстепенным сюжетом по отношению к основной сюжетной линии. Эта позиция может быть обозначена как «критическая», поскольку предполагает отказ от роли зрителя (соучастника, свидетеля событий фильма) и выполнение функций наблюдателя, нацеленного на вычленение нужной ему информации, которая важна с точки зрения изучаемой темы. Можно выделить следующие этапы анализа аудиовизуальных источников:

1) отбор фильма (фильмов) для изучения в качестве исторического источника. На этой стадии необходимо уточнить сам объект исследования, проблему и критерии отбора конкретных документов;

2) сбор и анализ информации о создателях фильма, его целях, сверх-идее, закладываемой автором, времени и условиях создания, общественном резонансе – в общем, обо всем том, что обычно обозначается словом «судьба» фильма;

3) просмотр фильма для получения общего впечатления, знакомства с сюжетом, основными героями и событиями, определение основной

и второстепенных тем, центральной проблемы, оценка жанровых и изобразительных приемов создания образов. Кроме того, необходимо уточнить характер презентуемой визуальной информации – непосредственное отражение или реконструкция реальных/вымышленных фактов;

4) повторное целенаправленное наблюдение по намеченному исследователем плану (например, изучение религиозных практик или миграционных моделей; изменений в образе жизни, поведении, отношениях и пр.), которое сопровождается обязательной фиксацией информации с уточнением минуты просмотра, контекста и роли наблюдаемого эпизода в сюжете;

5) конструирование исторической реальности на основе оценки зафиксированных информационных элементов с учетом их *образного* решения. Оно нуждается в верификации путем сравнения с другими источниками информации.

Особенностью наблюдения является то, что его результаты отличаются известной субъективностью, поскольку проецируются на ментальную сетку наблюдателя и интерпретируются с учетом присущей ему системы ценностей и представлений. Поэтому очень важно использовать контрольные элементы (увеличение числа просмотров или же количества наблюдателей).

Таким образом, изучение визуальных источников предполагает формирование у историка особых навыков работы с информацией. На первый взгляд зрительное восприятие относится к сравнительно простому виду психофизиологической деятельности, основанному на ассоциативном понимании и образном усвоении информации, но такое мнение во многом обманчиво. Историк должен обладать визуальной культурой – это то, что часто называют «насмотренностью», что позволяет корректно воспринимать, анализировать, оценивать, сопоставлять визуальную информацию. Отдельно следует выделить задачу распознавания визуальных кодов, поскольку они историчны и по истечении нескольких десятилетий уже могут прочитываться некорректно, а ключи к этим кодам чаще всего лежат в области обыденного или национального и могут быть неочевидными зрителю из будущего. Иначе говоря, интерпретация самого текста настолько же важна, насколько и знание надтекстовых – исторических, социальных, экономических – параметров его производства и функционирования.

Свои сложности имеет решение проблемы соотношения визуальной информации и текста (вербализации увиденного), нахождения оптимального взаимодействия этих знаковых систем, имеющих некоторые

общие корни, но весьма отличных по своим механизмам функционирования (психофизиологический и логический). Здесь требуются свои «словари», свои технологии перевода.

Новая культурологическая ситуация, порожаемая визуальным поворотом, ставит перед историками новые вопросы: можно ли рассматривать визуальные образы как источники исторической информации? какие методы наиболее адекватны задачам изучения визуальных образов? как соотносить язык образов с вербальным языком? как функционирует образ в сознании, памяти, творческом воображении? каково соотношение исторической реальности и исторических форм визуальной культуры? и т.д. Вопросов пока больше, чем ответов, но они являются первым шагом к их решению.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с.
- Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М.: 000 «Вариант», ЦСПГИ, 2009. 448 с.
- Визуальная антропология: настройка оптики. М.: 000 «Вариант», ЦСПГИ, 2009. 296 с.
- Гируц К.* Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с.
- Голубев А.В., Поршинева О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012. 392 с.
- История страны. История кино. М.: Знак, 2004. 496 с.
- Кныш Н.А.* Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: дис. канд. ист. наук. Омск, 2009. 250 с.
- Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. 440 с.
- Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2000. 270 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 472 с.
- Магидов В.М.* Визуальная антропология как социокультурное явление в ретроспективе и перспективе современного исторического знания // Московский дом национальностей [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., сор 2001–2012. URL: http://www.mdn.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/v_m_magido.html (дата посещения: 01.07.2013).
- Нарский И.В.* Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. 516 с.
- Николаев А.И.* Основы литературоведения: учеб. пособие. Иваново: ЛИСТОС, 2011. 255 с.
- Оболенская С.В.* Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. 1991. М., 1991. С. 160–185.

- Ожегов С.И.* Толковый словарь // Словари [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.deport.ru/slovar/ojegov/o/1-obraz.html> (дата посещения: 12.12.2012).
- Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия : сб. ст. / [редкол.: И. В. Нарский и др.]. Челябинск: Камен. пояс, 2008. 476 с.
- Разлогов К.Э.* Искусство экрана: от синемаатографа до интернета. М.: РОССПЭН, 2010. 287с.
- Репина Л.П.* Images of Time and Historical Representations: Russia – East – West // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л.П. Репиной. М.: «Кругъ», 2010. С. 928-956.
- Родигина Н.И.* «Другая Россия». Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: НГПУ, 2006. 343 с.
- Роднянская И.Б.* Художественный образ // Яндекс: словари [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Художественный%20образ/>.
- Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М.: ИРИ РАН, 1999. 248 с.
- Руби Дж.* Визуальная антропология : реф. В.Л. Круткина // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сб. науч. ст. / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, В. Романова, В. Круткина. Саратов, 2007.
- Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Историческая имджинология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в. // Вестник РУДН. 2006. № 2 (6). С. 54-72.
- Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция образа «врага» в сознании армии и общества. М., 2006. 288 с.
- Усманова А.[P.]* Визуальные исследования как исследовательская парадигма // Визуальные и культурные исследования [Электронный ресурс]. URL: <http://viscult.ehu.lt/article.php?id=108>.
- Щербакова Е.И.* Визуальная история: освоение нового пространства // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя. М., 2011. С. 473-488.
- MacDougall D.* Transcultural Cinema / Ed. by L. Taylor. Princeton : Princeton University Press, 1998. 528 p.
- Mitchell W.J.T.* What is Visual Culture? // Meaning in the Visual Arts: Views from the Outside / Ed. by I. Lavin. Princeton, N.J.: Institute for Advanced Study, 1995. 339 p.
- Мазур Людмила Николаевна*, доктор исторических наук, зав. кафедрой документального и информационного обеспечения управления Уральского федерального университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; Lmaz@mail.ru